

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-142-154>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)53

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. М.В. Каплун
г. Москва, Россия

З.Н. ГИППИУС И О. МИРТОВ (ОЛЬГА НЕГРЕСКУЛ): ЛИТЕРАТУРНО-ГЕНДЕРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В 1893 г. в журнале «Наше время» был опубликован рассказ З.Н. Гиппиус «Яблони цветут». В 1911 г. в передовом литературно-политическом журнале «Русская мысль» под редакцией П.Б. Струве выходит роман О. Миртова (псевдоним писательницы Ольги Эммануиловны Негрескул-Розенфельд) под тем же заглавием «Яблони цветут». На схожесть заглавий в своем эссе «Пиршественный стол» 1914 г. указал близкий друг семьи Мережковских Д.В. Философов, размышляя на тему вторичности художественно-философских находок Негрескул. Анализ рассказа Гиппиус 1893 г. и романа Миртова 1911 г. в контексте философско-гендерных идей рубежа веков дает возможность говорить о некоторых литературных параллелях как типологических, так и генетических, характерных для творчества двух авторов-женщин, одна из которых писала под своим именем, а другая творила под псевдонимом. Общность сюжетной арки двух произведений, схожесть философско-эстетических высказываний, выполненная в духе модернистских художественных исканий, близость Негрескул символистской картине мира, о чем свидетельствуют ее первые литературные опыты, позволяют выявить общий художественный концепт формирования мировоззренческих и художественных мотивов в творчестве двух писательниц-модернисток.

Ключевые слова: З.Н. Гиппиус, О. Миртов, О. Негрескул, «Яблони цветут», гендер, фемининность, маскулинность литературные параллели, рассказ, роман.

Информация об авторе: Марианна Викторовна Каплун — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2427-2855>

E-mail: tangosha86@mail.ru

Дата поступления статьи: 19.09.2022

Дата одобрения рецензентами: 12.10.2022

Дата публикации: 29.03.2023

Для цитирования: Каплун М.В. З.Н. Гиппиус и О. Миртов (Ольга Негрескул): литературно-гендерные параллели // Вестник славянских культур. 2023. Т. 67. С. 142–154. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-142-154>

В 1893 г. в журнале «Наше время» был опубликован рассказ З.Н. Гиппиус «Яблони цветут». В 1896 г. рассказ войдет в сборник Гиппиус «Новые люди» и получит не слишком лестные отзывы¹. Критика достаточно прохладно отнеслась к стиливой манере автора, причислив «Яблони цветут» к числу «вычурных» рассказов Гиппиус [16]. В 1911 г., через восемнадцать лет после первого выхода рассказа Гиппиус, в литературно-политическом журнале «Русская мысль» под редакцией П.Б. Струве публикуется роман «Яблони цветут» Ольги Эммануиловны Негрескул-Розенфельд (псевдоним О. Миртова). В 1914 г. близкий друг семьи Мережковских Д.В. Философов в своем эссе «Пиршественный стол», полемизируя со статьей Миртова «О чуде Господнем», отметил схожесть заглавий двух произведений, написанных в разное время. Философов, в отличие от В.Л. Львова-Рогачевского и Е.А. Колтоновской², признавших роман в целом удачным, достаточно резко высказался по поводу произведения Миртова, отметив вторичность философско-художественной системы Негрескул, в литературном творчестве которой можно проследить следование «модным веяниям»: «Но вот статья О. Миртова "О чуде Господнем". Заманчивое название! Теперь эти темы в моде. Какое такое чудо увидел воочию О. Миртов? <...> А Миртов преподносит свое запоздалое мнение, как венец свободной мысли. Но, может быть, форма статьи замечательна? Увы! Она напоминает стиль Шебуева, который совершенно в таком же роде что-то лепетал о Ферреро где-то на театральных задворках. Мне очень было бы интересно знать мнение Александра Блока о таких перлах, как статья Миртова. Он тоже сотрудник журнала «свободной мысли и свободной формы». Кроме того, несколько лет тому назад он обрушился на Мережковского за злоупотребление словом *Бог*. Мережковский, видите ли, который всю свою жизнь думает об одном, обливаясь потом, не боясь насмешек, борется за религиозное миропонимание, должен о боге молчать. А вот в новом, самом свободном и эстетическом журнале, рядом с *убег-эстетикой* Сологуба, мэонизмом Минского и целомудренным косноязычием Блока, Миртов разводит жалкие слова о чуде Господнем по поводу выеденных яиц! Это так красиво! И современно! Ну вот как красив и современен какой-нибудь универсаль-модерн-миниатюр-театр... в Конопте. Впрочем, мы все обязаны простить Миртову. Мы — люди бездарные, не сумевшие написать романа “Яблони цветут” (в котором даже название чужое!). Миртов — *творец*. Разумейте языки! А перед «творцом», т. е. человеком пишущим, должны все благоговеть» (курсив автора. — Д.Ф.) [13, с. 2]. Позже в 1924 г. Львов-Рогачевский в своем объемном исследовании «Новейшая русская литература [взгляд из 1924 г.]» вернется к роману Миртова, отметив компиляцию образов, тем и сюжетов романа из произведений литературных предшественников: «Утомленная душа художника, берущая понемногу и у маленького Арцыбашева, и у великого Толстого, и у пророчествующего Достоевского, жаждет тишины и зеленой прохлады, жаждет духовного просветления и успокоения» [6, с. 240].

В критике начала XX в. уже была попытка найти тематические параллели между творчеством Гиппиус и Негрескул. Например, Львов-Рогачевский причислил первый роман Миртова «Мертвая зыбь» (1908) к «документам революционного отчаяния», поставив произведение в один ряд с драмой Гиппиус, Мережковского и Философова

¹ Рассказ «Яблони цветут» открывает сборник, видимо, являясь своеобразным художественным вступлением к плеяде рассказов «Ближе к природе», «Богиня», «Простая жизнь», «Голубое небо», «Смирение» и т. д., написанных в символистском ключе (см.: [17, с. 1–32]).

² По мнению Колтоновской и Львова-Рогачевского, второй роман Миртова, в отличие от первого романа «Мертвая зыбь» 1908 г., по содержанию «гораздо удачнее, содержательнее и объективнее» [5, с. 179; 7].

«Маков цвет», (1907) и романом Гиппиус «Чертова кукла» (1911) (все произведения были опубликованы в журнале «Русская мысль») (см.: [4; 8, с. 313]). Попробуем проанализировать оба произведения «Яблони цветут» (рассказ 1893 г. и роман 1911 г.) с позиции литературно-гендерных установок эпохи модернизма с целью выявления возможных генетических и типологических параллелей в литературном творчестве Гиппиус и Негрескул. Речь идет именно о возможном влиянии литературно-гендерной системы, выстроенной Гиппиус, на творчество писательницы второго ряда Негрескул, поскольку между двумя авторами-женщинами сложно ставить знак равенства. При поверхностном взгляде на оба произведения можно обнаружить схожесть построения образной системы, во главе которой три характера: мятущийся герой, его мать и его возлюбленная. Сюжет рассказа Гиппиус строится вокруг юного музыканта Володи, вспоминающего свою первую любовь Марту и деспотичную мать. Сюжет Миртова в силу особенностей романной структуры более сложен, но остается в рамках изображения провинциального города, его нравов и постепенного духовного становления главного героя Степана. Володя и Степан — характерные персонажи литературы рубежа веков, ознаменованной глубоким духовным кризисом и поисками смысла бытия среди культурной элиты (см.: [1, с. 51–71]). А. Скабичевский в критике рассказа Гиппиус отнес Володю к «нравственным уродам, одному из тех мягкотелых, безвольных шалопаев, которые вырастают в оранжерейной атмосфере даровых хлебов» [12, с. 79]. Колтоновская именует героя Миртова «обыденным существом», «чудаковатым тюфяком» [5, с. 185]. Для Володи духовный кризис сопряжен с неудовлетворенностью своей профессиональной музыкальной деятельностью, к которой герой не чувствует вдохновения: «Я кончал консерваторию, выступал в концертах — и с успехом. Но я сам был не совсем доволен <...>. Я музыкант, и если не хороший, то порядочный, как говорят. Думаю, хорошим я и не могу быть, потому что когда играю длинные, трудные рапсодии и фуги, даже сонаты, я совершенно холоден, и мысли у меня самые обыденные, скучные»³ [16]. Герой Миртова Степан, не имеющий особых способностей к наукам, также не приемлет жизнь со всеми, со «стадом», видя в ней только преграду к исполнению истинного предназначения: «Да, уж с этим ничего не поделаешь! Жизнь вовсе не требует величия. Напротив. Всяческим взлетам в голубую высь она всегда ставила преграды. Жизнь требует только маленького мещанского приличия — остальное уж как тебе угодно. Главное — иди со всеми» [22, с. 126–127]. Оба героя способны ощутить биение жизни только в единении с природой или садом, символизирующими согласие с собой: «Когда я захлопнул за собой калитку и сделал несколько шагов вглубь — я вдруг ожил. Ожил и все забыл. С каждой секундой мне делалось легче и радостнее. Ароматы, смешанные, разнородные, разнотонные, охватили меня. Я вернулся к друзьям, и мне было стыдно, что я у них давно не был» [16]; «Гораздо чаще Степа лежал теперь, уткнув лицо в траву, и слушал птиц <...> или смотрел сквозь листья, на голубые клочки неба и не видел их, но блаженно чему-то улыбался и в теле у него бывало ощущение — внезапной слабости, нежащей и сладкой до того, что слезы умиления зеленоватой пеленой заволакивали солнце» [21, с. 75–76].

Равнодушное, апатичное состояние Володи усугубляется безоговорочным, вытесняющим его истинные устремления, подчинением воле властной матери. Зависимость от матери формирует у героя проявление фемининного начала и постепенное вытеснение образа отца, «пожилого господина», с которым герой не может найти общий язык: «Пожилой господин, вечно занятый какими-то постройками, живший в другой

³ Здесь и далее текст цитируется по изданию 1991 г.

половине дома, он совсем не интересовал меня» [16]. Мать даже говорит Володе, что он больше похож на женщину, чем на мужчину: «Ведь ты совсем не похож на мужчину, ты совершенно женщина, оттого, должно быть, мы с тобой так и сошлись... Или это я сама так сделала, — прибавила она, подумав. — Ты, например, в мужском обществе и не бываешь никогда; а среди женщин я тебя видела — там ты тоже как-то не ухаживаешь, а кокетничаешь» [16]. Сам герой отмечает свое внешнее сходство с матерью, а не с отцом: «Да и что тут нехорошего? Пусть я похож на женщину! Я люблю прежде всего все красивое — но без суровости, без силы, а нежное и простое. Я не виноват, что я такой...»; «У меня было прежде красивое и нежное лицо, как у мамы, мы с ней часто вместе смотрелись в зеркало, и нам казалось, что мы удивительно похожи друг на друга» [16]. Фемининная природа проявляется и в образе миртовского Степы, нежного, «солнечного» мальчика, по характеристике окружающих. Впечатлительная, немного нервическая натура, сосредоточенность на собственных переживаниях, уход в мир фантазий, нежная привязанность к семье в лице матери и сестры делают Степана, как и его литературного предшественника, гораздо ближе фемининному, чем маскулинному типу [3, с. 159]. Но в отличие от героя Миртова, все-таки нашедшего в себе силы на поиски своего «подвига» и решившегося на своеобразный бунт, формирующие недостающую герою маскулинность, герой Гиппиус предпочитает перекладывать все решения на других, не представляя «жизни в борьбе»: «Я знаю, что я слабый, слабый человек. У меня нет силы сделать против себя, не страдать, когда я страдаю...»; «Как всему я покоряюсь без борьбы, всему, что сильнее меня, — я покорился и тут неизбежному» [16]. Как указывает И. Жеребкина, подобная покорность характерна для женской истерической субъективности, когда отсутствие индивидуальности приводит к рабской зависимости от большого Другого [2, с. 67]. Если в случае с женщиной «Другим» выступает мужчина, то в случае с героем Гиппиус под большим «Другим» угадывается мать героя. Причем подобные отношения рожают парадоксальную конструкцию вины вне зависимости от половой принадлежности: чем больше субъект подчиняется объекту Другого, тем больше он виновен [2, с. 131]. Однако герой не чувствует своей вины, упрекая во всех неудачах свою тесную связь с матерью: «Зачем она так сделала, что я не умею жить без нее? Это она сделала, я не виноват...» [16]. За подобными оправданиями героя можно обнаружить сходство с героиней Миртова Варей Слеповой, самым неоднозначным персонажем романа «Яблони цветут» [3, с. 164–168]. С детства привыкшая к абсолютной («отдающей») любви матери, которая потакает всем ее капризам, сталкиваясь с малейшими трудностями, Варя легко обвиняет во всем мать («маменька во всем виновата»). Варя культивирует чувство вины и в подруге детских игр, сестре Степана, кроткой, преданной Тусеньке. Подобное сравнение сближает героя Гиппиус с фемининным, истерическим типом.

Основное отличие в конструировании характеров Гиппиус и Миртова коренится в образах их матерей, вернее, в их мотивационной сфере. Если безымянная мать Володи пытается полностью подчинить себе сына, руководствуясь тем, что посвятила ему жизнь, то мать Степана Марфа Ивановна, будучи абсолютно привязана к своему единственному выжившему ребенку, сохраняет кроткую преданность всему, что связано с сыном, старается не мешать в его поисках, полагаясь на волю Божию [3, с. 168–169]. Важное отличие двух материнских образов состоит и в отношении к яблоневому саду, одному из ключевых образов, как рассказа, так и романа. Мать Володи, в отличие от сына, абсолютно равнодушно относится к саду и его цветению, что отмечает герой: «Я знал, что тут мы не понимаем друг друга, только тут. Она даже сада нашего

не любила — гулять ходила по улицам, говорила, что солнечный свет гораздо беспокойнее полутьмы гостиной, а ее духи лучше запаха настоящей весны» [16]. В то время как мать Степана живет своим солнечным садом, дышит им, символически сливается с ним, мать Володи предпочитает полутьму. В романе Марфа Ивановна то «снова расцветает, как расцветает по весне старая яблоня», то уподобляется «дереву с опавшими листьям» [3, с. 169; 20, с. 9]. Различие в характеристиках матерей проявляется и в их отношении к новообретенной любви сыновей. Мать Володи категорически не приемлет новые отношения сына, обосновывая это невозможностью героя жить самостоятельно и «распушенностью» молоденькой соседки. Ее ответ Володе содержит прямое требование к сыну о полном подчинении: «Я тебе жизнь отдала до последней капли — и ты мне всю свою отдай, всю, я к этому шла, и не разлучалась с тобой, и сделала тебя сама — для себя. Может быть, это дурно, мне все равно. Это справедливо. Я на самопожертвования не способна. Да и поздно теперь. Теперь — как бы ты ни любил жену, возлюбленную, как бы она тебя ни любила — ты без меня не проживешь!» [16]. Мать Степана вполне благосклонно смотрит на развивающиеся отношения с Варенькой, только в конце начиная предчувствовать неладное. Авторитарное поведение Володиной матери в отношении к сыну тесно связано с понятием «жертвенного эгоизма». Мысль об эгоизме жертвующего чем-то человека, больше делающего для себя, чем для другого, намеченная Гиппиус в рассказе, продолжена в романе Миртова, где прямо говорится о том, что «жертвование — род эгоизма», поскольку жертва никогда не бывает бескорыстна: «Он, может быть, за это рассчитывал получить хорошее о себе мнение или — приятное сознание исполненного долга — что-нибудь такое, ради чего можно чем-то пожертвовать, ради чего можно пострадать» [22, с. 133–134]. Эта мысль находит свое развитие в образе Вари, пытающейся в отсутствие Степана поддержать его одинокую мать. Варей движет не стремление помочь одинокой, пожилой женщине, проводящей все свое время в ожидании сына, а желание быть ближе к возлюбленному, который, вернувшись, оценит ее «жертву». Поэтому Варя тяготится своими «благими делами», а свою «помощь» воспринимает как вынужденную меру на пути к «счастью». На внутреннюю черствость героини указывает и ее нереализованная идея поскорее отделаться от Марфы Ивановны путем поддельных писем, написанных ее рукой якобы от Степана. Жертвенный эгоизм характерен и для Степана, который после долгих метаний сначала планирует посвятить всю оставшуюся жизнь своей преданной, любящей матери, а затем быстро меняет точку зрения, встретив «истинную» любовь в лице Вари. У Гиппиус душевные метания Володи приводят к тому, что даже после смерти матери герой не мыслит своей жизни без нее, чувствуя себя связанным невидимыми узами: «Зачем она так связала меня с собою, что жизнь без нее не могла длиться? Если я скажу, что любил ее, — это будет не то слово: не *люблю* я воздух, пищу — а жить без них не могу. Я знаю, что я слабый, слабый человек. У меня нет силы сделать против себя, не страдать, когда я страдаю...» (курсив автора. — *З.Г.*) [16]. Искания Степана, напротив, приводят его к борьбе с женским, порождающим началом, прообразом которого выступает яблоневый сад, символизирующий материнскую природную стихию [3, с. 163–164, 169].

Как все литературные герои эпохи модернизма, персонажи Гиппиус и Миртова проходят испытание любовью. В душный, замкнутый мирок отношений матери и сына в рассказе вмешивается соседка Володи, барышня Марта, с которой герой начинает проводить все больше времени за милыми беседами в яблоневом саду. Марта становится для героя «ожившим садом, то же, что небо и ветер» [16]. Для Степана его «духовной»

любовью, кажущимся спасением становится Варя, безотчетную тягу к которой герой чувствует с детства. Володю и Степана сближает принятие любви на лоне яблоневого сада, представляющего символическим раем для влюбленных. Володя прямо говорит Марте о своем отождествлении ее образа и образа сада: «И я люблю вас, Марта, — сказал я. — Как сад, как все» [16]. Для Степана сад становится символом абсолютно естественного единения с Варей на лоне природы: «На лицах их, прильнувших друг к другу, мелькающих во мраке, среди деревьев, лежал таинственный свет почти предсмертного сосредоточия, почти божеского проникновения в свое и чужое я» (курсив автора. — *О.М.*) [24, с. 198]. Нельзя не отметить, что обе героини прячутся под придуманными ими масками. Героиня Гиппиус специально коверкает имя Марфа для благозвучия, пытаясь казаться интеллигентной особой. Героиня Негрескул живет в мире своих фантазий за чтением бульварных романов, воображая себя то эмансипированной провинциалкой, то объектом «высокодуховной» любви [3, с. 166–167]. Интересно, что два прямо противоположных сюжетных поворота (Володя расстается со своей любовью в угоду матери, а Степан, наоборот, покидает мать ради родственной души в лице Вари) приводят героев к одному и тому же трагическому финалу. Финал не представляется таким уж неожиданным, если учесть, что на протяжении обоих произведений героев неизменно преследуют мысли о смерти, ее неизбежности: «Я думаю, что я скоро умру. У меня нет, кажется, никакой болезни, но я должен умереть, потому что живет тот, кто хочет, кто имеет волю жить, а у меня нет воли» [16]; «Но есть ли вообще смысл бороться за материальное благополучие людей, когда им все равно предстоит смерть» [23, с. 160]⁴. Размышления о смерти трансформируются для героев в мысли о самоубийстве, которые пугают их самих: «В последние дни, когда я это сознал и увидел, что мне больше и ждать нечего, — я даже думал о самоубийстве. Но я не могу. Я боюсь. Я знаю, что у меня пошлое и трусливое сердце. Я боюсь [16]; «Что делать тому, кто не в силах жить и не способен на самоубийство? Перед кем жизнь закрыла все выходы... Что делать этим несчастным — ...» [24, с. 195]. Подобное «предчувствие неизбежного» в воспроизведении авторами «нестабильного» душевного состояния героев сближает концепции рассказа и романа, как с декадентскими философскими исканиями (у Гиппиус), так и с психоаналитическими теориями, начатыми С. Шпильрейн, В. Штекелем, К.Г. Юнгом и др. в начале XX в. (у Миртова) (см.: [14, с. 53])⁵.

Герои Гиппиус и Миртова вписываются в плеяду тревожных героев Серебряного века, ввергнутых в переломную эпоху и остро чувствующих собственную несостоятельность в стремительно изменяющемся мире. Выход для героев авторы таких произведений видели в укреплении силы духа посредством внутренних переживаний и приходе к долгожданной гармонии, постижению жизни, знаменующему символическое «преодоление смерти». Как указывает М.А. Воскресенская, «эти духовные метания были вполне органичны эпохе порубежья <...> для более юного поколения новой интеллигенции, едва вступавшего в творческую жизнь в начале XX века, обращение к духовным основам бытия уже не становилось результатом тяжких душевных борений — оно изначально мыслилось ими как единственно возможный вектор в постижении мира» [1,

⁴ М.Б. Могильнер, анализируя образ Степана из романа, его навязчивые мысли о смерти, указывала на то, что «навязчивая идея смерти сопровождала героя лишь в той части его жизни, когда он собственно и был внешне типичным героем подполья» [9, с. 110].

⁵ Психоаналитические идеи деструктивного влечения к смерти «Ганатосу» нашли свое отражение в исследованиях 1910-х-гг., предшествующих фрейдистской теории влечений, например, в книге С. Шпильрейн «Деструкция как причина становления», написанной через год после выхода романа Миртова [14, с. 53].

с. 62]. Степан у Миртова на время находит спасение в любви и принятии философии всеединства. В рассказе Гиппиус безвольный и бесхарактерный Володя, не способный найти в себе силы к дальнейшей жизни после потери возлюбленной и ухода матери, оказывается лишен спасения, не зря финал обрывается рассуждениями героя о висятелем на потолке крюке, символизирующем его приговор. Гиппиус и Миртов по-разному выстраивают мир своих героев, но это не значит, что их концепции конструирования характеров прямо противоположны. Степан в итоге гибнет во время вырубке сада, как будто обесценивая весь полученный опыт осознания собственного бытия. Как отмечала Колтоновская, «эта надуманная развязка неправдоподобна не только с художественной точки зрения, но и с философской» [5, с. 186]. По Колтоновской, если у любви «плодящей» есть смысл в продолжении рода, то любовь «творящая» тоже должна демонстрировать некое «высшее достижение» [5, с. 186]. Подобный прием «оборванной жизни» в романе Миртова не просто отсылает к рассказу Гиппиус, оставившей своего героя наедине с крюком на стене, но и говорит об общих художественных установках двух авторов. Для Гиппиус, как для символиста, было важно отобразить в рассказе жизнь души, полную переживаний, неясных, смутных настроений, тонких чувств, было важно «поймать момент» или впечатление о нем, выхватить несколько дней из жизни героя, при этом оставив читателю пространство для толкования, сохраняя характерную для символизма недосказанность. Негрескул, хотя и видит своей первостепенной задачей изображение подробного пути становления героя, с попытками убедить читателя принять его правду, о чем свидетельствует выбранная автором романная форма и многочисленные философские отступления, тем не менее, в своем художественном разрешении конфликта идет по пути символистского умолчания (о смерти героя мы узнаем в эпилоге о доме, где вместо людей поселились деревья), обнаруживая тесную связь с собственными философско-мистическими взглядами.

Вопрос о схожести философско-гендерных исканий Гиппиус и Негрескул представляется малоизученным. Резкие высказывания Философова в отношении творчества Миртова становятся более понятны, если рассматривать художественную систему романа «Яблони цветут» в контексте воззрений Мережковского и Гиппиус. Философские поиски «любви творящей», высокого Духа в бердяевском понимании, фемининно-маскулинного «единства» в соловьевской трактовке можно обнаружить и в творчестве Гиппиус, и в творчестве Негрескул [15]. В своем эссе «О любви» Гиппиус пишет о богочеловеческом пути творца, пути *восхождения*, абсолютной любви в соловьевском понимании: «Цель — конечно, та же для любви, как и для личности, и для человечества, — победа над смертью. И дело любви — опять триединое дело волевого, свободного, участия в борьбе за бытие против небытия. Что же касается условий начала высшего пути любви, то они лежат в понимании и принятии, как реальностей, трех основ: *андрогинизма, духовно-телесности и богочеловечности*» [15]. Известно, что на гендерные воззрения Гиппиус большое влияние имели философские идеи Соловьева, Розанова, Вейнингера, содержащие мысли о единстве женского и мужского начал (см.: [10, 11]). В мистической легенде, рассказанной Негрескул Колтоновской⁶, можно обнаружить характерные рассуждения о Духе и таланте, вписывающиеся в философские теории Соловьева и Бердяева: «Талант дан мне свыше *на время этой жизни*, в целях, скрытых от меня, известных лишь моему Высокому Духу и открываемых мне *на мгновения* в процессе творчества. Талант мой — орудие Духа. Мне лично он может служить только

⁶ Речь идет о попытке написания полушутливой, беллетризованной автобиографии О. Негрескул с мистическим подтекстом [5, с. 187–188].

для высокой цели самопознания. И потому, если бы даже я умирала от голода и жажды, я не должна была бы пытаться написать ни единой строчки, если не будет на то веления свыше» (курсив автора — *О.Н.*) [5, с. 187–188]. Как указывал Н.А Бердяев, «основная тема русской мысли начала XX века есть тема о божественном космосе и о космическом преображении, об энергиях Творца в творениях; тема о божественном в человеке, о творческом призвании человека и смысле культуры» [1, с. 93–94]. С поисками «любви творящей» с ее превосходством над «любовью плодящей», которые проходят лейтмотивом через весь роман Миртова, тесно связана теория фемининно-маскулинного единства, характерная для модернистского текста. Гиппиус считала, что маскулинное и фемининное начало содержат свою противоположность, и объединение обеих недополовин приводит к расцвету духовной любви: «Нет живого субъекта без преобладания в нем того или другого начала; и в ней, — в этой неравномерности, — потенция «перехода за границы своего феноменального бытия» — к другой личности, потенция *любви*. Не половинка ищет свою половинку, но Муже-женское существо стремится к соединению с другими в *соответственно-обратной мере* двойным, Жено-мужским» (курсив автора. — *З.Г.*) [15]. Подобные рассуждения об изначальном фемининно-маскулинном слиянии, присущем человеческой природе, можно обнаружить и в философских построениях Негрескул: «Изначальное имя мое — Атра-Рамменита — женское начало и мужское. Здесь, на земле, в этой последней жизни, переменила уже несколько имен, но в каждом из них в полноте познавала себя — начиная с имени девочки и кончая именем мужским. Мужское начало во мне — силы равной женскому. Потому имею два равноценных лика — женский лик для жизни земной и мужской — для предстания перед очами Вечноживущаго и принятия Его тайн» [5, с. 187].

Если рассматривать философские воззрения Негрескул в контексте творчества Гиппиус, то возникает вопрос о близости Негрескул идеям символизма. В 1900 г. В.Г. Короленко пишет Ольге Эммануиловне Котылевой свои мысли об одном из ее рассказов в «символистском духе»⁷. За фамилией «Котылева» прячется Ольга Негрескул, в начале своей литературной деятельности писавшая под фамилией второго мужа [19, с. 88]. В своем письме от 6 мая Короленко, в целом признавая наличие у автора таланта, отмечает ее увлеченность символистскими аллегориями: «Дело не в кличках — символизм или не символизм. Дело в тех недостатках, которые я связываю с этой характеристикой: приподнятость тона и отсутствие «реальности», то есть отсутствие той близости к действительной жизни, которая дает ощущение убедительности и правды <...>. Ваш молодой человек только посмотрел на неоконченную картину и уже готов, как собака, сидеть у дверей комнаты, где находится эта картина. Затем — при всем значении, какое мы придаем живописи, — нужно все-таки признать, что от нее можно ждать определенности образа, но определенность «мысли» достигается трудно и лишь до известной степени. У Вас художник диктует зрителю, что он должен чувствовать <...>. Между тем, у Вас и реальные впечатления Ваших действующих лиц расположились в схему, поясняющую эти два образа. Это я и назвал символизмом. Символы — вещь вполне законная, но почему-то выработался же термин «символизм». Дело в том, что символ должен занимать свое место; когда же для символа искажается действительность, — когда он выступает на первый план, а остальное располагается согласно его сухой схеме, — это и будет символизм, в его современном значении» [18]. О близости Негрескул к символистским кругам свидетельствует и выбор места публи-

⁷ Речь, видимо, идет об одном из первых рассказов Негрескул «Художник», опубликованном в 1904 г. в петербургском журнале «Образование», №4–5 [19, с. 89].

каций для произведений. В 1909 г. в литературно-художественном альманахе издательства «Шиповник» публикуется рассказ Негрескул «Каштаны» под женским псевдонимом «О. Миртова» [25, с. 161–173]. Одним из учредителей издательства «Шиповник» (Санкт-Петербург — Петроград, 1906–1918; Москва, 1918–1922) был известный петербургский предприниматель З.И. Гржебин. Помимо «Шиповника» Гржебин владел издательством переводной литературы «Пантеон» (Санкт-Петербург, 1907–1912). Одной из целей подобных литературных проектов являлась презентация идейно-эстетических позиций символизма и привлечение коммерчески успешных модных авторов-модернистов [1, с. 86]. Вместе с Негрескул в восьмом номере альманаха публикуются А.П. Чапыгин и С.М. Городецкий, известные в символистских кругах. «Каштаны» можно отнести к лирическому рассказу о жизни детей, в котором кухарка Ефросинья полунамеками и полутонами приоткрывает барской дочке Ляльке суть взаимоотношений ее родителей. Каштаны в этом коротком рассказе-зарисовке выступают своеобразным символом, выразительным образом, впечатлением, закрепленным в подвижной психике ребенка, а их готовка на открытом огне рождает мимолетные, поэтические силуэты в воображении героини. В 1893 г. в журнале «Русская мысль» был опубликован рассказ Гиппиус «Костино мщение»⁸, в котором девятилетний мальчик по имени Костя, проводящий все время со своей гувернанткой бонной Идой, во время Страстной недели продумывает план мести матери, которая завела роман с заезжим офицером. На празднике Костя при всех собравшихся гостях приводит «мечь в исполнение», прилюдно опозорив мать. Свершившееся «мщение» приводит к обратному эффекту, обостренному чувству вины и финальному трогательному объяснению героя с матерью, расставившему все на свои места. В рассказе присутствуют «обсахаренные каштаны», в каком-то смысле символизирующие «двойное дно» душевных метаний юного героя (сладость, от которой может стать «нехорошо внутри» от переизбытка). Как нетрудно догадаться, оба рассказа вполне отвечали духу символизма, однако рассказ Негрескул получился даже более «символистским» за счет размытости образов, обрывочности фраз, ощущения незаконченности.

Анализ рассказа Гиппиус и романа Миртова «Яблони цветут» в контексте философско-гендерных идей рубежа веков дает возможность говорить о некоторых художественных параллелях как типологических, так и генетических в творчестве двух авторов-женщин, одна из которых писала под своим именем, а другая творила под псевдонимом. Общность сюжетной арки двух произведений, схожесть философско-эстетических высказываний в духе модернистских художественных исканий, близость Негрескул символистской картине мира, о чем свидетельствуют ее ранние литературные опыты, позволяют выявить общий художественный концепт формирования мировоззренческих и художественных мотивов в творчестве двух писательниц. Можно сделать предположение, что Негрескул до какой-то степени развила идеи Гиппиус в своем творчестве, балансируя на грани символизма и реализма, о чем свидетельствует художественная система романа «Яблони цветут», отсылающая к рассказу Гиппиус. Стоит отметить, что вторичность воззрений Негрескул вовсе не говорит о прямом подражательстве творчеству Гиппиус, скорее, это свидетельствует об общем мировоззренческом контексте эпохи. Если рассказ Гиппиус был зарисовкой на тему жизни, созависимости и смерти, то роман Негрескул во многом углубил узнаваемые темы, образы, сюжеты, придал психологическую достоверность развитию характеров и дал философское обо-

⁸ Позже этот рассказ вместе с «Яблонями цветут» войдет в сборник «Новые люди» 1896 г. под названием «Мечь» [17, с. 232–259]

снование идей, намеченных в рассказе. В рассказе Гиппиус и в романе Миртова прослеживается одна и та же мысль о предопределенности, «неслучайности» происходящего, как бы подчеркивая глубину взаимосвязей всего сущего: «Было ли все случайно? Или, напротив, нет и не может быть ничего случайного? Не знаю. Мне трудно думать об этом. Пусть решают другие» [16]; «Несчастливая случайность! не свались тогда ему на голову бревно, не такие бы здесь были сейчас квартиранты». Так говорит глубокомысленно обыватель, и до сих пор не зная самых простых истин — что пущенная стрела летит вперед, что струна, по которой ударил смычок, должна звучать... Что “нет” случайности и нет “несчастья”» [24, с. 213].

Список литературы

Исследования

- 1 *Воскресенская М.А.* Серебряный век в социокультурном измерении. 2-е изд. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2021. 223 с.
- 2 *Жеребкина И.* Страсть. Женская сексуальность в России в эпоху модернизма. СПб.: Алетейя, 2020. 302 с.
- 3 *Каплун М.В.* Гендерная поэтика романа О. Миртова «Яблони цветут» // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 4. С. 156–177. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-156-177>
- 4 *Каплун М.В.* Фемининно-маскулинная образность романа О. Миртова «Мертвая зыбь» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. (В печати).
- 5 *Колтоновская Е.А.* О Миртове // Женские силуэты: (Писательницы и артистки). СПб.: Просвещение, 1912. С. 177–188.
- 6 *Львов-Рогачевский В.Л.* Новейшая русская литература [взгляд из 1924 г.]. М.: Юрайт, 2019. 390 с.
- 7 *Львов-Рогачевский В.Л.* О. Миртов. Яблони цветут // Современник. 1913. Кн. IX // Lib.ru: “Классика”. URL: http://az.lib.ru/l/lxwowrogachewskij_w_l/text_1913_mirtov_oldorfo.shtml (дата обращения: 05.09.2022).
- 8 *Львов-Рогачевский В.Л.* Поворотное время // З.Н. Гиппиус. Pro et contra. Личность и творчество Зинаиды Гиппиус в оценке современников и исследователей. Антология. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2008 С. 310–333.
- 9 *Могильнер М.Б.* Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 208 с.
- 10 *Протопопова А.В., Протопопов И.А.* Между Отто Вейнингером и В.В. Розановым: о конструировании фемининности и маскулинности в творчестве Д.С. Мережковского // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 3. С. 204–221. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-204-221>
- 11 *Протопопова А.В., Протопопов И.А.* Проблема конструирования женского субъекта в творчестве З. Гиппиус в контексте гендерной теории Вейнингера // *Вестник славянских культур*. 2022. Т. 63. С. 163–183. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-163-183>
- 12 *Скабичевский А.* Литература в жизни и жизнь в литературе // Новое слово. 1896. № 7. Отд. II. С. 79.
- 13 *Философов Д.В.* Пиршественный стол // Речь. 1914. 10 (23) мая. № 125. С. 2.

- 14 Шукуров Д.Л. Русский литературный авангард и психоанализ в контексте интеллектуальной культуры Серебряного века. М.: Языки славянской культуры: рукописные памятники Древней Руси, 2014. 222 с.

Источники

- 15 Гиппиус З.Н. О любви. 1925 // Lib.ru: “Классика”. URL: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_1925_o_lubvi.shtml?ysclid=17diedrotk251091857(дата обращения: 05.09.2022).
- 16 Гиппиус З. Яблони цветут // Сочинения: Стихотворения; Проза / сост., подгот. текста, коммент. К. Азадовского, А. Лаврова. Л.: Худож. лит., 1991. URL: http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/text_0270.shtml (дата обращения: 05.09.2022).
- 17 Гиппиус (Мережковская) З.Н. Новые люди: Рассказы. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1896. 396 с.
- 18 Короленко В.Г. Избранные письма 1879–1921 // Собр. соч. в: 10 т. / подгот. текста и примеч. С.В. Короленко. М.: ГИХЛ, 1956. Т. 10. // Lib.ru: “Классика”. URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_0890.shtml (дата обращения: 05.09.2022)
- 19 Миртов О. // Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. Т. 4. С. 88–90.
- 20 Миртов О. Яблони цветут // Русская мысль. Ежемесячное лит.-полит издание. 1911. Кн. 4. Апрель. С. 3–41.
- 21 Миртов О. Яблони цветут // Русская мысль. Ежемесячное лит.-полит издание. 1911. Кн. 5. Май. С. 54–78.
- 22 Миртов О. Яблони цветут // Русская мысль. Ежемесячное лит.-полит издание. 1911. Кн. 8. Август. С. 124–156.
- 23 Миртов О. Яблони цветут // Русская мысль. Ежемесячное лит.-полит издание. 1911. Кн. 10. Октябрь. С. 138–194.
- 24 Миртов О. Яблони цветут // Русская мысль. Ежемесячное лит.-полит издание. 1911. Кн. 12. Декабрь. С. 156–216.
- 25 Миртова О. Каштаны // Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». СПб.: Шиповник, 1909. Кн. 8. С. 161–173.

© 2023. Marianna V. Kaplun
Moscow, Russia

**Z.N. GIPPIUS AND O. MIRTOV (OLGA NEGRESKUL):
LITERARY AND GENDER PARALLELS**

Acknowledgements: The research was carried out with support from the Russian Science Foundation (project no. 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100/>) at IWL RAS.

Abstract: In 1893, a story *Apple Trees Are in Bloom* by Z.N. Gippius was published in the journal *Nashe vremya (Our Time)*. In 1911, a novel by O. Mirtov (pseudonym of the writer Olga Emmanuilovna Negreskul-Rosenfeld) under the same title *Apple Trees Are in Bloom* was published in the leading literary and political journal *Russkaya Mysl' (Russian Thought)*, edited by P.B. Struve. A close friend of the Merezhkovsky's

family, D.V. Philosophov in his 1914 essay *The Feast Trunk* pointed out the similarity of titles, reflecting on the secondary nature of literary and philosophical findings of Negreskul. An analysis of the Gippius' story of 1893 and Mirtov's novel of 1911 in the context of philosophical and gender ideas of the turn of the century makes it possible to speak of some literary parallels, both genetic and typological, characteristic of two female authors' work, one of whom wrote under her own name, and the other worked under a pseudonym. The commonality of the plot arc of the two works, the similarity of philosophical and aesthetic statements, made in the spirit of modernist artistic quest, the proximity of the Negreskul to the symbolist picture of the world, as evidenced by her first literary experiments, make it possible to identify a common artistic concept of the formation of worldview and artistic motives in the work of two modernist writers.

Keywords: Z.N. Gippius, O. Mirtov, O. Negreskul, *Apple Trees are in Bloom*, Gender, Femininity, Masculinity Literary Parallels, Story, Novel.

Information about the author: Marianna V. Kaplun, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2427-2855>

E-mail: tangosha86@mail.ru

Received: September 01, 2022

Approved after reviewing: November, 12, 2022

Date of publication: March 29, 2023

For citation: Kaplun, M.V. "Z.N. Gippius and O. Mirtov (Olga Negreskul): Literary and Gender Parallels." *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 67, 2023, pp. 142–154. (In Russ.).

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-67-142-154>

References

- 1 Voskresenskaia, M.A. *Serebrianyi vek v sotsiokul'turnom izmerenii [Silver Age in Sociocultural Dimension]*. 2nd ed. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2021. 223 p. (In Russ.)
- 2 Zherebkina, I. *Strast'. Zhenskaia seksual'nost' v Rossii v epokhu modernizma [Passion. Female Sexuality in Russia in Modernism Era]*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2020. 302 p. (In Russ.)
- 3 Kaplun, M.V. "Gendernaia poetika romana O. Mirtova 'Iabloni tsvetut'." ["Gender Poetics of O. Mirtov's Novel *Apple Trees Are in Bloom*"]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 4, 2022, pp. 156–177. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-156-177> (In Russ.)
- 4 Kaplun, M.V. "Femininno-maskulinnaia obraznost' romana O. Mirtova 'Mertvaia zyb'." ["Feminine and Masculine Imagery of the Novel 'Dead Swell' by O. Mirtov"]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*, no. 32, 2023. (On print). (In Russ.)
- 5 Koltonovskaia, E.A. "O Mirtove" ["On Mirtov"]. *Zhenskie siluety: (Pisatel'nitsy i artistki) [Female Silhouettes: (Writers and Artists)]*. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1912, pp. 177–188. (In Russ.)
- 6 L'vov-Rogachevskii, V.L. *Noveishaia russkaia literatura [vzgliad iz 1924 g.] [The Latest Russian Literature [View from 1924]]*. Moscow, Iurait Publ., 2019. 390 p. (In Russ.)
- 7 L'vov-Rogachevskii, V.L. "O. Mirtov. Iabloni tsvetut" ["O. Mirtov. Apple Trees Are in Bloom"]. *Sovremennik*, no. IX, 1913. Lib.ru: "Klassika" [Classic]. Available at: <http://>

- az.lib.ru/l/lxwowrogachewskij_w_1/text_1913_mirtov_olderfo.shtml (Accessed 10 August 2022) (In Russ.)
- 8 L'vov-Rogachevskii, V.L. “Povorotnoe vremia” [“Turning Time”]. *Z.N. Gippius. Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Zinaidy Gippius v otsenke sovremennikov i issledovatelei. Antologiya* [Z.N. Gippius. *Pro et contra. Personality and Creativity of Zinaida Gippius as Assessed by Contemporaries and Researchers. Anthology*]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2008, pp. 310–333. (In Russ.)
- 9 Mogil'ner, M.B. *Mifologiya 'podpol'nogo cheloveka': Radikal'nyi mikrokosm v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [Mythology of ‘Underground Man’: a Radical Microcosm in Russia at the Beginning of the 20th Century as a Subject of Semiotic Analysis]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1999. 208 p. (In Russ.)
- 10 Protopopova, A.V., Protopopov, I.A. Mezhdru Otto Veiningerom i V.V. Rozanovym: o konstruirovanii femininnosti i maskulinnosti v tvorchestve D.S. Merezhkovskogo [“Between Otto Weinger and Vassily Rozanov: Constructing the Feminine and the Masculine in Dmitry Merezhkovsky’s Works”]. *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 3, 2021, pp. 204–221. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-3-204-221>
- 11 Protopopova, A.V., Protopopov, I.A. “Problema konstruirovaniia zhenskogo sub"ekta v tvorchestve Z. Gippius v kontekste gendernoi teorii Veingera” [“Constructing the Feminine Subject in Zinaida Gippius’ Works in the Context of Otto Weinger’s Gender Theory”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 63, pp. 163–183. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-163-183>
- 12 Skabichevskii, A. “Literatura v zhizni i zhizn' v literature” [“Literature in Life and Life in Literature”]. *Novoe slovo*, no. 7, part II, 1896, p. 79. (In Russ.)
- 13 Filosofov, D.V. “Pirshestvennyi stol” [“Banquet Table”]. *Rech'*, no. 125, May 10 (23), 1914, p. 2. (In Russ.)
- 14 Shukurov, D.L. *Russkii literaturnyi avangard i psikhoanaliz v kontekste intellektual'noi kul'tury Serebriannogo veka* [Russian Literary Avant-garde and Psychoanalysis in the Context of Intellectual Culture of Silver Age]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2014. 222 p. (In Russ.)